

«Могу похвастаться: из Россонской поступали в ленинградские»

Сегодня исполняется 95 лет со дня рождения Петра Мироновича Машерова

ЧЕЛОВЕК-ЛЕГЕНДА, человек, с которым связана целая эпоха в истории Беларуси. О нем написаны книги, сняты фильмы, но самое главное, пожалуй, в другом: он живет в памяти благодарных потомков. «БН» предлагает читателям материал о бывшем первом секретаре ЦК компартии республики.

До войны

1918 год. Февраль 13-го дня. В семье Машеровых Мирона Васильевича и Дарьи Петровны (урожденная Ляховская) в деревне Ширки Сенненского повета Могилевской губернии (сегодня Сенненского района Витебской области) родился сын. Его нарекли именем одного из дедов — Петром. Отец новорожденного вырос в большой крестьянской семье, насчитывавшей семь детей, мать, в 12 лет потерявшая отца, с малолетства помогала воспитывать двух своих сестер. Мирону Васильевичу отец отписал 3,5 десятины земли, на которых работали от зари до зари. Через год родилась дочь Матрена, а в 1914-м — сын Павел. Вскоре отца забрали на фронт, откуда он вернулся только в 1917 году. И сразу стал строить новый дом, в котором и появился второй сын — Петр. С самого раннего детства братья были очень близки, и свои чувства сохранили до последних дней жизни. С 10—12 лет помогали они отцу работать в поле, но заветной мечтой родителей было дать детям образование.

Вначале они учились в Грибовской школе в четырех километрах от их родной деревни. Как вспоминает младшая сестра Ольга, «учеба давалась Петру легко, он все схватывал на лету, а уже в четвертом классе увлекся математикой: ему нравились сложные задачи». Дальше — Мошканская неполная средняя школа. По восемь километров туда и обратно; зимой — на лыжах, которые Петр сам же и смастерил из ясеня. Первая половина 30-х годов для семьи была крайне тяжелой: колхозных трудодней зарабатывали много, но на них ничего не давали. Хлеба не было. Выручали свекельный постный борщ, лук, перетертый с солью, и бобы.

Стало легче, когда в 1933 году брат Павел окончил педучилище, получил направление в Россонский район и с собой забрал брата-семиклассника. В 1934 году Петр поступил на рабфак, причем сразу на последний курс, а через год был зачислен на физико-математический факультет Витебского педагогического института имени С. М. Кирова. Сестра Матрена Миронова, у которой он тогда жил, вспоминала впоследствии, «как много он сидел за книгами, готовясь к занятиям, как тщательно отглаживал себе брюки и белые накрахмаленные воротнички». На третьем курсе Петр возглавил команду из лучших спортсменов для участия в лыжно-стрелковом переходе Витебск — Орша — Могилев — Минск. Команда заняла первое место, а полученным за переход именным жетоном Петр Миронович гордился всю свою жизнь. Этот жетон сегодня хранится в Музее Великой Отечественной войны в Минске.

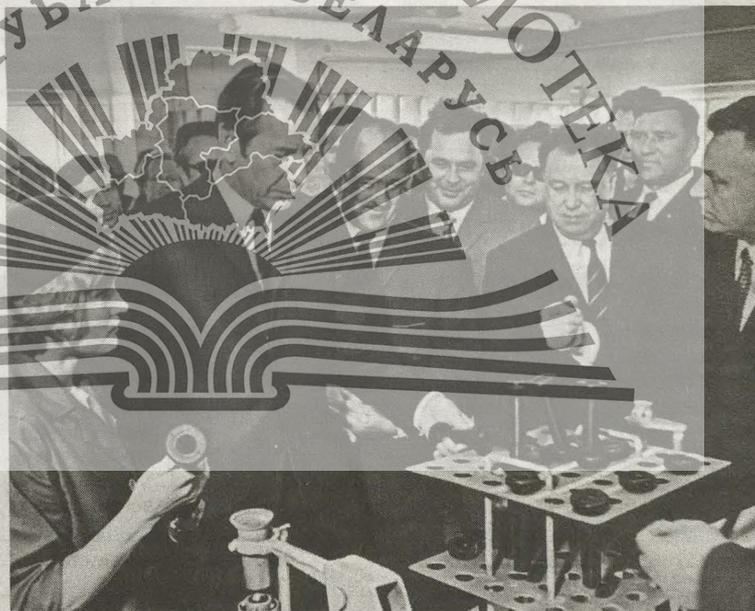
А в декабре 1937 года пришла беда: ночью к дому Машеровых подъехала автомашина, и незнакомые люди приказали Мирону Ва-

■ Петр Миронович и Полина Андреевна МАШЕРОВЫ

■ С братом Павлом (справа).

■ В заводском цехе.

колхозе имени Молотова Новосельского с/с Богушевского района, был арестован и осужден как будто на три года, и в марте 1938 года умер. В силу каких обвинений был осужден мой отец, мне установить не удалось, т. к. при выяснении таковых никаких следственных и судебных материалов на него не было найдено». Впоследствии стало известно, что М. В. Машеров умер 20 марта 1938 года из-за «паралича сердца». Реабилитирован он был посмертно в 1959 году. Сегодня известно, что на отца Машерова кто-то написал донос.

Окончив пединститут в 1939 году, Петр Миронович стал работать в Россонской средней школе преподавателем физики и математики. С собой на новое место забрал мать и двух младших сестер, Ольгу и Надежду, фактически заменив девочкам отца.

Работал он творчески, с комсомольским огоньком. Много лет спустя Петр Миронович вспоминал: «... могу похвастаться. Из Рос-

лыми днями он занимался со своими ребятами, руководил после уроков физическим, астрономическим и фотографическим кружками. Часто выступал с политическими докладами в колхозе. Готовился к поступлению в аспирантуру. Кандидатура Машерова была утверждена для сборника очерков ведущего московского издательства, но книга так и не вышла — началась война.

В годы сражений

На месте он сидеть не мог — вступил по направлению райкома КП/б/Б в истребительный батальон, который не имел... вооружения, но должен был стать основой партизанского отряда. Затем отступление. Сам Машеров в автобиографии писал: «В Отечественную войну был около станции Пустошки, пробираясь через линию фронта, попал в окружение, находясь с 51-м корпусом, попал в плен 27.7.41. При отправке в Германию бежал с поезда, не доезжая Вильно». Бежал, выпрыг-

Однако никого разыскать не смог, видно никто не выжил.

Шел через оккупированные территории в основном ночью. Ориентировался по звездам. Только уже в Беларуси рискнул обратиться к крестьянам за помощью. Те его накормили, указали дорогу.

Через девять дней добрался до Россон. Устроившись счетоводом в не распущенный немцами колхоз и учителем в школе, он занялся настоящей работой — созданием подпольной организации. Вначале их было двое: Машеров и учитель Петровский, потом шестеро... Собирали оружие и боеприпасы, медикаменты, распространяли сводки Совинформбюро, уничтожали продовольствие, подготовленное немцами к отправке в Германию, внедрялись в оккупационные структуры. Готовились к уходу в партизаны. Для конспирации Машеров принял псевдоним «Дубняк». Много лет спустя его вдова Полина Андреевна, член подпольной россонской группы, посадит на

советах района действовали подпольные комсомольские группы. В своей автобиографии Машеров писал: «К концу зимы 1941—1942 гг. было подобрано и подготовлено в отряд до 150 человек, главным образом комсомольцев, бывших учеников и учителей с полным вооружением». В апреле 1942 года подпольщики ушли в лес. Отряд под названием «Дубняк» был первым в районе, в него вошли 19 подпольщиков — в основном ученики Петра Мироновича, который и стал их командиром.

3 мая 1942 года в десяти километрах от Россон партизаны организовали засаду. Немецкая машина шла из Дретуни. В ней ехали фашисты, которые должны были арестовать оставшихся в городе подпольщиков. В руки партизан попали их списки. В них фигурировала и фамилия будущей жены Петра Мироновича — Полины Андреевны Галановой, работавшей по заданию подполья зубным врачом. Машеров в этой акции был ранен в ногу и с трудом добрался до Россон. Его искали, немцы знали, что подпольем и отрядом руководит высокий учитель. Арестовали в окрестностях Россон всех учителей, носивших шляпы. А он лежал у матери под кроватью. Один раз во время облавы в дом ввалились два немца с собакой, искали партизан. Машерову повезло: это оказались как раз те солдаты, которым он недавно у себя в доме предъявлял документы, и даже играл им на пианино «собачий вальс». Они узнали Дарью Петровну. «Мутер, мутер, — говорят. — Тут учитель, тут бандита нет». И ушли, не став делать обыск. Но из Россон пришлось Машерову уходить в лес, в отряд.

Фашисты стали арестовывать родных тех, кого они считали партизанами. Среди них была и Дарья Петровна. Пытали ее страшно. Татьяна Симоненко, которой удалось вырваться из застенков, рассказывала: «Дарья Петровна возвращалась с допросов вся в синяках, но скрывала, что ее били. Она только повторяла: «Я никого не выдала. Ничего не сказала». Всех арестованных расстреляли 9 сентября 1942 года, не пожалели даже 13-летнюю Глашу Езутову. А через семь дней немцы оставили Россоны. Могила подпольщиков с большим трудом нашли местные жители. Петр Миронович узнал свою мать только по синему платью в горошек... Много лет спустя, когда встал вопрос о перезахоронении, он сказал, что его мать должна лежать вместе со всеми в общей могиле. И приходя на кладбище, он никогда не поворачивался к обелиску спиной. До конца своих дней он считал себя виноватым в гибели матери, но тогда в 42-м он не мог взять ее в отряд, когда родные других партизан оставались в оккупированном городе.

В 1942 году партизанские отряды стали объединяться в бригады. Отряд «Дубняк» вошел в бригаду имени К. К. Рокоссовского, действовавшую в Витебской и Калининской областях. Бои, засады, подрывы... Петр Миронович был всегда впереди. «Он обычно маячил впереди разведки: высокий, в кожаном пальто... и ни за кого не прятался. Был обычно введен. Спокоен. Но

С полным текстом документа можно ознакомиться в библиотеке